

Глава 74: Служанки.

Это был долгий и трудный процесс возвращения потерянных женщин в нормальное общество, и обретение самостоятельности было лишь первым шагом.

Благодаря тому, что Сяо Юй лично устроил этих женщин, жители деревни, восхищаясь им, естественно, не задавались вопросом, что он делает.

И даже если они и не соглашались, то делали это тихо и не смели высказываться против этих женщин, тем более им в лицо.

Благодаря созданию мастерской, Сяо Юй повысил статус женщин в деревне Байша, поэтому обстановка в деревне Байша, несомненно, была лучшей для этих женщин, когда они возвращались в общество.

Несмотря на это, Сяо Юй часто приезжал, чтобы посмотреть, как они живут и работают, и всячески подбадривал их.

В этот день Сяо Юй вернулся в деревню Байша и первым делом отправился в ткацкую и посудную мастерские.

Женщины в ткацкой мастерской практиковались в прядении льна, так как многие из них выросли в борделях и никогда раньше не занимались подобной работой, поэтому им нужно было учиться на самых простых вещах.

От прошлогоднего урожая осталось не так много шелка, поэтому они не могли использовать его для прядения.

Однако фабрика противодождевых изделий была простым местом для начала работы, будь то изготовление промасленной бумаги или вырезание спиц для зонтика, это было не слишком сложно.

Сяо Юй заметил, что большинство работниц были в хорошей форме, но, очевидно, было несколько тех, кто еще не освоился в этой жизни.

Сяо Юй спросил Мэн Хуна: "Ты говорил с девушками по отдельности? Довольны ли они своей работой в данный момент?".

Мэн Хун слегка кивнул: "Да, было несколько человек, которые были не очень довольны. Однажды я слышал, как одна девушка, которая была артисткой, сказала, что жалеет о том, что не научилась играть на музыкальном инструменте, а только играть в шахматы и рисовать".

Сяо Юй постучал себя по голове: "Я забыл об этом. Пойди и посчитай количество женщин, которые читали книги, не просто грамотных, а тех, кто умеет читать и писать. Если есть женщины, которые умеют вышивать, выбери и их. Мы не можем недооценивать их".

Мэн Хун посмотрел на Сяо Юя: "Что господин имеет в виду?".

Сяо Юй сказал: "Мы спешим обучать студентов, разве не потому что это важный навык может помочь им? Если эти женщины умеют читать и писать, они смогут помочь с бухгалтерией и подсчетами, так что у тебя будет вся необходимая помощь".

Мэн Хун смутился и сказал: "Они будут моими помощниками?".

Сяо Юй сказал: "Исторически сложилось так, что во дворце были женщины-историки, и пока у них есть талант, то женщины могут выполнять и мужскую работу".

Он никогда не думал, что женщины менее умны, чем мужчины; древнее общество было слишком деспотичным по отношению к женщинам и похоронило многих гениев.

Мэн Хун сказал: "Дело не в том, что я не считаю их достаточно талантливыми, я просто боюсь, что у моей жены будут проблемы с этим".

Сяо Юй улыбнулся, внезапно поняв, и сказал: "Поскольку тебе неудобно держать их рядом, то отправь их ко мне, так как у меня там много дел и мне нужны люди, которые бы разбирали для меня официальные документы".

Мэн Хун сказал: "Хорошо, тогда я пойду и разберусь с этим".

"Если есть те, кто умеет вышивать, пусть работают вышивальщицами, чтобы не растрчивать свои таланты".

"Хорошо".

Когда они вернулись домой из мастерской, на ступеньках перед входом во двор сидел угрюмый мужчина средних лет, увидев их возвращение, он поспешно встал: "Сяо Ланьцзюнь, управляющий Мэн".

Сяо Юй узнал в нем отца Мань Ю: "Здравствуйте, как поживает Мань Ю?".

У отца Мань Ю было печальное лицо: "Он каждый день лежит на кровати, как живой мертвец, и характер у него все хуже. Сяо Ланьцзюнь, что, по-твоему, мы должны делать?"

Когда Мань Ю получил травму, Мин Чон отвез его на север к знаменитым врачам. Он обращался ко многим врачам, но ничего не помогало, либо потому, что он торопился, либо потому, что он вообще не встречал хороших врачей.

Когда он вернулся, Сяо Юй возместил Мань Ю его травму и ущерб и спросил его, хочет ли он нанять кого-нибудь, чтобы заботиться о нем, или он хочет вернуться к своей семье. В то время семья Мань Ю сказала, что готовы лично заботиться о нем.

"Входите и присаживайтесь",- поприветствовав отца Мань Ю, Мэн Хун потянул Сяо Юя в дом.

Мэн Хун сказал: "Ланьцзюнь, это не первый раз, когда он приходит жаловаться, он просит денег".

Сяо Юй сказал: "Разве ты не отдал все сразу?".

"Да, было отдано много денег, прошло не так много времени, не могли же они все быть использованы на Мань Ю, либо это, либо они были использованы в другом месте",- Мэн Хун нахмурился.

Сяо Юй сказал: "Я сегодня возвращаюсь, давай по пути заглянем к нему".

"Давай пообедаем, а потом пойдем",- сказал Мэн Хун.

Сяо Юй посмотрел на небо: "Почему бы нам не пойти сейчас и не вернуться к обеду?".

Мэн Хун кивнул: "Хорошо, пойдем вместе и посмотрим".

Они вышли и приготовились позвать отца Мань Ю, чтобы он вернулся с ними, но обнаружили, что Доу Ци смотрит на отца Мань Ю очень сердито: "Старый зверь, ты опять потерял все деньги Мань Ю?".

Отец Мань Ю нахмурился: "Не говори ерунды, я этого не делал".

"Ты не делал? А куда делось столько серебра?",- спросил Седьмой мастер Доу.

Сяо Юй мгновенно понял, что происходит, и сказал: "Седьмой мастер, мы собираемся пойти в бухту Шэнлун, чтобы увидеть Мань Ю, ты пойдешь?".

"Да. Я так зол на этого старика, как у Мань Ю оказался такой негодный отец, как он? Я так зол на него! ",- мастер Доу Ци с ненавистью топнул ногой.

Когда Сяо Юй подошел к дому Мань Ю, он услышал, как тот кричит внутри: "Вы где? Все умерли? Мне нужно в туалет!"

Его мать и невестка были снаружи и чинили сети, и никто не обращал на него внимания.

Услышав это, отец Мань Ю бросился туда: "Я здесь, я здесь".

Мань Ю, всхлипывая, сказал: "Уже поздно, я намочил постель. Отец, поменяй мне, я не хочу лежать на мокром".

Когда Сяо Юй услышал это, он почувствовал лишь непреодолимую печаль. Он вошел в дверь: "Мань Ю, мы пришли к тебе". Хижина была низкой, и хотя был полдень, свет внутри был очень тусклым, и потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к нему, к тому же из дома исходил резкий запах.

Тело Мань Ю задрожало, и он недоверчиво посмотрел в сторону двери: "Ланьцзюнь? Ланьцзюнь, уходи отсюда, в доме слишком грязно!"

Лицо Сяо Юя было полно боли: "Мань Ю, тебе нельзя оставаться здесь, давай отвезем тебя в деревню Байша, я найду кого-нибудь, кто присмотрит за тобой".

Мань Ю прикусил дрожащую губу, на глаза навернулись слезы, и только через некоторое время, задышавшись, он сказал: "Мой отец потерял все мои деньги, у меня ничего не осталось".

Сяо Юй сказал: "Все в порядке, я оплачу сиделку". Он подошел к Мань Ю и приготовился переодеть того в чистую одежду.

Мань Ю сопротивлялся и взволнованно кричал: "Ланьцзюнь, не подходи, не подходи, я сам все сделаю. Управляющий Мэн, Седьмой мастер, пусть Ланьцзюнь выйдет отсюда!".

Сан Ян, который сопровождал его, вытолкнул Сяо Юя: "Ланьцзюнь, я сделаю это".

Сяо Юй сказал: "Сан Ян, помоги Мань Ю переодеться, а потом унеси его". Он не может оставаться здесь больше ни на минуту.

Через некоторое время Сан Ян вышел с Мань Ю на спине. Мань Ю был ужасно худым, его волосы были жирными, и от него все еще плохо пахло.

Сяо Юй посмотрел на семью Мань Ю с пустым лицом: "Я забираю Мань Ю, приходите к нему позже, если хотите. Он был ранен, потому что работал на меня, и я все еще могу сочувствовать ему, но разве вы, семья, не знаете, как сочувствовать своей собственной плоти и крови?".

Родители Мань Ю склонили головы и не сказали ни слова.

Сяо Юй отвез Мань Ю обратно в деревню Байша, где того тщательно вымыли. Спина Мань Ю была покрыта пролежнями. Сколько времени прошло? Всего ничего! Его родители были действительно ужасными.

Он выбрал старика из семьи, который был еще физически силен, чтобы тот ухаживал за Мань Ю, купал его, переворачивал и каждый день носил в туалет.

Сяо Юй также решил сконструировать инвалидное кресло для Мань Ю, чтобы его можно было перевозить по дому.

Если Мань Ю хотел что-то сделать, он мог двигать руками, и ему не нужно было лежать весь день на постели, считая пятна на потолке, в ожидании смерти.

Когда Мань Ю получил инвалидное кресло, он снова заплакал, как ребенок. В самые отчаянные моменты он винил себя, своих родителей, Сяо Юя, свою жизнь и этот мир, и думал о смерти.

Но сейчас, должно быть, ему еще найдется применение, и он сможет сделать все, что в его силах, чтобы помочь Ланьцзюню.

Опыт Мань Ю вдохновил не только жителей деревни Байша, но и девушек, спасенных из публичных домов. Раз инвалида все еще можно так ценить, то Сяо Ланьцзюнь ни в коем случае не притворялся добрым к ним, так что они действительно могли здесь хорошо устроиться и жить.

Вечером Пэй Линьчжи вернулся со школьного двора и только вошел во двор, как услышал женский смех, но не голоса Сяочунь и Юэ-эр, а взрослых женщин.

"Воздушный змей, мой воздушный змей!",- это был голос А-Пина.

"Он висит на дереве, что я могу сделать?",- сказала одна из женщин.

"Цзи Хай не лезь туда, эта ветка слишком тонкая, чтобы выдержать твой вес, возьми бамбуковый шест и подбей его",- это был голос Сяо Юя.

Пэй Линьчжи пошел на голоса и увидел Сяо Юя с детьми и двумя женщинами, которые смотрели вверх на тополь, цветы которого почти опали, Цзи Хай уже был на дереве с воздушным змеем в форме ласточки, висящим на ветке.

Пэй Линьчжи подошел к нему: "Что случилось?".

Сяо Юй посмотрел на него и улыбнулся: "Линьчжи, ты вернулся?".

"Приветствуем вас, Пэй Ланьцзюнь",- две женщины поспешили к нему и поклонились.

Пэй Линьчжи посмотрел на них, они выглядели немного знакомыми, вроде это были женщины, спасенные из борделя Чуньсяо, почему они здесь? Он растерянно посмотрел на Сяо Юя.

Сяо Юй сказал: "Позволь представить тебе этих двоих - Цин Ю и Шуан Ло, они будут специализироваться на сортировке моих бумаг в будущем".

Пэй Линьчжи посмотрел на двух девушек, их кожа была нежной, а лица немного покрашены. Они были очень красивы, неудивительно, что они были нарасхват в публичном доме, он сказал: "Вы не входите в литературную труппу?".

Цин Ю сказала: "В ответ на слова Пэй Ланьцзюня, я с юности училась только шахматам и рисованию, в музыке и ритме я не сильна".

Шуан Ло с озорным лицом также сказала: "В ответ на слова Пэй Ланьцзюня, я тоже училась только книгам и живописи, но не музыке".

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "Верно, мне нужны были люди, которые умеют хорошо писать. Они также могут научить детей рисовать и играть в шахматы".

В груди Пэйя Линьчжи внезапно стало тесно без причины, ведь Сяо Юй не обсудил с ним такое важное дело заранее.

А-Пин, который беспокоился о своем воздушном змее, поднял голову и посмотрел вверх: "Ты почти на месте".

Сяо Юй вспомнил о Цзи Хае на дереве и поднял голову, чтобы посмотреть на дерево: "Будь осторожен, Цзи Хай".

Цзи Хай был действительно смелый. Он осмелился наступить на ветку, которая была не намного толще детского запястья, что заставило сердце Сяо Юя подпрыгнуть: "Линьчжи, следи за Цзи Хаем, если он упадет, ты должен поймать его".

Пэй Линьчжи помрачнел: "Я не буду его ловить, он заслуживает смерти, если упадет оттуда!".

Сяо Юй и Цзи Хай: "....."

Но Цзи Хай оправдал ожидания, успешно схватил воздушного змея и бросил его вниз.

А-Пин обрадовался и поднял воздушного змея, но Сяо Юй сказал: "Не запускай его, пойдем за город и найдем открытое место, чтобы запустить его". Дул прекрасный ветерок, и это было подходящее время для прогулки.

Цин Ю сказала: "Когда-нибудь мы с сестрой сделаем вам еще несколько причудливых воздушных змеев, чтобы дети могли играть с ними".

Цзю Янь радостно зааплодировал: "Отлично, спасибо, сестра".

Пэй Линьчжи внезапно почувствовал, что ему здесь больше нечего делать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300273>